

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона В. Р. Розена,

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1906.

(съ приложеніемъ семи таблицъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1907.

کریاس^۱ رسیدند بموجب فرموده همرا گرفته سیاست نمود آری بیت شعلی را که شیرک نام کردند بشیرک شیرکش در دام کردند امیر صاحب قران مولانا زاده را در خواست کرده از پای دار باز آورد و دیگران براه عدم رفتند	— و بقتل مثال داد حضرت سلطان غازی بانواع حیل مولانا زاده را ازان ورطه باز خرید و آزاد کرد و دیگران طعمه شمشیر سیاست شدند
--	--

Мазаръ Мевлана Юсупа Секаки (или Шекаки).

На западной сторонѣ глубокаго ущелья Хонохая, между рѣчекъ Хонохай и Будеты, на возвышенномъ мѣстѣ находится могила Мевлана Юсупа.

У подножія этого мѣста съ восточной стороны протекаетъ рѣчка Хонохай и съ юго-западной стороны рѣчка Будеты²⁾. По берегамъ обѣихъ рѣчекъ живописная растительность, частью насажденная, а частью природная. Мѣстность эта, при вѣздѣ въ нее, представляетъ изъ себя таинственную рощу, кое гдѣ съ развалившимися остатками зданій, заброшенныхъ таранчами, когда-то жившими тутъ около мазара.

Около могилы Мевлана Юсупа находится много другихъ могилъ таранчей, жившихъ здѣсь для окарауливанія мазара и умершихъ.

Памятникъ на могилѣ поставленъ сорокъ семь лѣтъ тому назадъ таранчинцемъ селенія Хонохая Менликъ Шанъ-беги³⁾. Памятникъ этотъ построенъ въ китайскомъ стилѣ съ черепичной крышей; съ четырехъ сторонъ углы крыши загнуты вверхъ; снаружи подъ углами подставлены по два бревенчатыхъ столба; самый памятникъ сложенъ изъ китайскаго жженого пенельнаго цвѣта кирпича; вышина памятника съ крышею около 7 аршинъ, ширина въ квадратѣ около 5½ аршинъ. Южная часть памятника

1 کرانی B کریاسی U.

2) Рѣчка Будеты впадаетъ въ р. Хонохай, а рѣка Хонохай проходитъ черезъ Сибинскій Тургенъ-Сумунъ (третій сумунъ) и затѣмъ впадаетъ въ Чапчальскій арыкъ, если вода въ ней велика; иначе — расходится по пашнямъ.

3) По словамъ Хемеръ-Шейха и Юсуфъ-Шейха, живущихъ въ селеніи Джагыстаѣ (въ китайскихъ предѣлахъ); они прежде были шейхами у мазара, но китайцы переселили ихъ въ Джагыстаѣ.

не имѣетъ стѣны; внутри по срединѣ часовни указано мѣсто нахождения могилы въ видѣ продолговатой тумбочки; полъ внутри зданія кирпичный; зданіе выбѣлено внутри и наружи. Памятникъ огороженъ глинобитной стѣной; небольшая дверь съ южной стороны къ открытой части памятника; входъ устланъ до самаго памятника кирпичемъ; по бокамъ входа предъ памятникомъ и у двери наружной ограды воткнуты по двѣ пикн съ металлическимъ остриемъ въ верху, подъ наконечниками—кисти изъ конскихъ волосъ. Шагахъ въ пятидесяти за оградой памятника, на западной сторонѣ, выстроена небольшая глинобитная мечеть. Какъ самый мазаръ, такъ и другія окрестныя могилы огорожены другой общей глинобитной стѣной. Нынѣ безстѣнная часть памятника заколочена досками въ видѣ рѣшетки, которую мы разбирали для производства фотографическаго снимка.

Бывшіе раньше шейхами при этомъ мазарѣ, нынѣ таранчи русскаго селенія Кальджата Абуль-Хасанъ Еркенизовъ и Усень Токъ-Ніазовъ сообщили нижеслѣдующія свѣдѣнія о происхожденіи мазара.

Назадъ тому около 145 лѣтъ, таранчи переселились изъ Кашгаріи въ Илійскій край; послѣ этого времени, спустя 20 лѣтъ, въ селеніи Долаты проживалъ благочестивый человекъ, шейхъ-таранчинецъ по имени Миргыясъ, которому однажды, ночью, во снѣ явился старецъ и сказалъ ему, что на берегу рѣки Хонохая находятся мощи святого человека, умершаго тутъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, которыхъ онъ приказываетъ разыскать и почитать, для блага человечества. На эти слова Миргыясъ отвѣтилъ, что берегъ рѣки Хонохая великъ и что онъ не можетъ отыскать мощи святого. Тогда старецъ сообщилъ ему, что на томъ мѣстѣ, гдѣ находятся мощи, лежитъ трупъ сдохшей лисицы и подъ этимъ трупомъ нужно разрыть землю и тамъ найдетъ онъ мощи. Послѣ сего разговора старецъ исчезъ.

На слѣдующій день Миргыясъ сонъ свой рассказалъ народу своего селенія. Народъ посоветовалъ ему непременно исполнить приказаніе старца. Сдѣлавъ омовеніе, Миргыясъ отправился съ нѣсколькими спутниками отыскивать, по указанію старца, на берегу рѣки Хонохая сказанныя мощи. Пришли они къ тому самому мѣсту, гдѣ теперь находится мазаръ, и нашли дѣйствительно трупъ лисицы. Послѣ сего стали разрывать это мѣсто; по раскрытіи верхняго слоя земли заблагоухало и показались мощи святого. При вскрытіи могилы оказалось, что тѣло святого сохранилось, какъ живой человекъ, и отъ него распространилось благоволеніе. Объ отысканіи мощей сообщили въ селеніе и скорѣ собрался народъ; всѣ они помолились Богу и мощи святого похоронили съ подобающею честью. Съ тѣхъ поръ это мѣсто стало называться мазаромъ. Вообще мѣстные таранчи достоверно не знаютъ, чей именно этотъ мазаръ, но мулла селенія Кальджата

Якупъ-ахунъ далъ свѣдѣнія, что онъ въ малолѣтствѣ, когда еще учился, видѣлъ у одного стараго шейха, котораго теперь уже въ живыхъ нѣтъ, книгу, въ которой говорилось, что этотъ мазаръ принадлежитъ Мевлана Юсупу Секаки и толковалъ, что Мевлана — это санъ, Юсупъ — имя святого и Секаки — мѣсто родины его. Болѣе о происхожденіи этого мазара никто на мѣстѣ никакихъ свѣдѣній не можетъ дать.

Среди таранчинскаго населенія сохранилось немало разсказовъ про совершившіяся у мазара чудеса. Такъ разсказываютъ, что около сорока лѣтъ тому назадъ жившій на мазарѣ таранчинецъ Еркеніязъ Иминнізовъ какъ-то въ сердцахъ сорвалъ отъ дерева, находящагося у мазара, вѣтку, которою хотѣлъ побить корову. Онъ тутъ-же ослѣпъ, такъ какъ вѣтку сорвалъ безъ омовенія и еще въ сердцахъ. Спустя послѣ этого восемь лѣтъ онъ помолился Мевлана Юсупу и принесъ на мазарѣ Богу жертву; тогда-же глаза его открылись и онъ сталъ видѣть, какъ и прежде. Послѣ сего мазаръ этотъ сталъ весьма чтимъ народомъ.

Другой случай былъ такой: таранчинецъ селенія Долаты Халы Мамешевъ нашелъ у мазара брошенный кусочекъ кошмы отъ джайнамаза и по незнанію обулъ ноги этой кошмой; черезъ нѣкоторое время ноги его стянуло и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ таранчинецъ этотъ не могъ ходить. Долго думая, отчего и почему его ноги такъ внезапно заболѣли, онъ наконецъ пришелъ къ мысли, что онъ тогда-то нашелъ на мазарѣ кошмку и обувалъ ею свои ноги; не отъ этого-ли заболѣли его ноги, такъ какъ онъ слышалъ отъ стариковъ, что отъ мазара ничего не слѣдуетъ брать, а если что и взять, то должно чтить и содержать взятую вещь въ чистотѣ. Думая такъ, онъ порѣшилъ ѣхать на мазаръ помолиться съ чистой душой Богу и принести Ему жертву, что и сдѣлалъ, зарѣзавъ на мазарѣ своеручно барашка, мясомъ котораго накормилъ тутъ молившихся, послѣ чего ноги его выздоровѣли и онъ сталъ ходить, какъ прежде.

У подножія мазара на берегу р. Хонохая есть роща съ тополями; среди нихъ «Бугазъ-Терекъ» (беременный серебристый тополь), который имѣетъ чудесное вліяніе на бездѣтныхъ женщинъ. Сюда приходятъ бездѣтныя женщины, молятся, а потомъ приносятъ жертвы и идутъ къ Бугазъ-Тереку; поклонившись трижды, обнимаютъ нѣсколько разъ этотъ Бугазъ-Терекъ и опять три раза кланяются и уходятъ. Этими и кончается весь обрядъ съ Бугазъ-Тереконъ, послѣ чего женщины становятся беременными.

Тополь этотъ, посаженный когда-то давно таранчами — толстый и высокій; нижняя часть его ствола, смотрящая на западъ, немножко выпуклая, почему и называютъ его Бугазъ-Терекъ.

Тополь этотъ сталъ извѣстенъ своими чудесами слѣдующимъ образомъ.

50 или болѣе лѣтъ тому назадъ жена таранчинца Насыра, не имѣвшая дѣтей за все время своего замужества и уже въ возрастѣ 45 лѣтъ, пріѣхала изъ города Кульджи для поклоненія мощамъ Мевлана Юсупа. Совершивъ по обыкновенію всѣ обряды моленія на мазарѣ, она вдругъ обратила вниманіе на стоявшій неподалеку тополь, который ей показался какъ будто беременнымъ; она подошла къ этому тополю и поклонилась три раза, а потомъ нѣсколько разъ обняла его и тутъ-же почувствовала, что она сдѣлалась беременной. Объ этомъ чудѣ тотчасъ-же объявила находившимся тутъ при мазарѣ шейхамъ и черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ этого она разрѣшилась сыномъ.

Вѣсть эта прошла среди таранчинскаго населенія, и съ тѣхъ-то поръ всѣ бездѣтныя женщины и мужчины почитаютъ Бугазъ-Терекъ, какъ помощника бездѣтныхъ.

Вблизи таранчи не рубятъ лѣсу на прострaнствѣ версты отъ мазара, ибо одинъ таранчинецъ срубилъ близъ мазара лѣсу и у него свело пальцы. Это было лѣтъ 15—20 тому назадъ. Таранча сей живетъ въ Кальджатѣ; имя его — Запы.

Лѣтъ 20 тому назадъ была погребена на кладбищѣ мазарскомъ распутная женщина. Ее выбросило изъ могилы въ степь. Знаетъ это шейхъ Акъ-Супы.

Больной скотъ гоняютъ на мазаръ, держатъ тамъ одинъ день и скотъ выздоравливаетъ. На Бугазъ-Терекъ киргизы и киргизки навязываютъ лоскутья, таранчинскія-же женщины только обнимаютъ это дерево. Впрочемъ, деревьевъ съ навязанными лоскутьями здѣсь не мало. Я снялъ фотографически часть этихъ деревьевъ; многія остались за предѣлами снимка.

Лично я посѣтилъ мазаръ два раза — въ 1900 году и въ семь 1903 году. Оба раза лѣтомъ. Привожу нѣкоторые собранныя о немъ свѣдѣнія и прилагаю снимки съ мазара и рощи, сдѣланные фотографически¹⁾.

Въ настоящее время шейховъ у мазара Юсупа нѣтъ. Прежде ихъ было здѣсь много до передачи Илійскаго края китайцамъ; съ 1882 года китайцы выселили ихъ съ мазара въ Хонохай или-же они переселились въ оставшійся за нами поселокъ Кальджатъ и другія пограничныя селенія.

Слѣдами пребыванія здѣсь шейховъ остались теперь лишь могилы вокругъ мазара Юсупа и многочисленныя развалины глинобитныхъ строе-

1) Снимки ничего особенно интереснаго не представляютъ, почему и не воспроизводятся здѣсь. [Прим. редакціи].

ній отъ бывшаго селенія и помѣщеній шейховъ, выше въ ущельѣ по р. Хонохаю.

У мазара находится китайскій пограничный пикетъ, состоящій изъ 12 человекъ сябинцевъ холостыхъ и 12 калмыковъ семейныхъ. Калмыки охраняютъ сосѣднія горы, а сябинцы степныя пространства. Калмыки же пасутъ и присматриваютъ за казеннымъ скотомъ, гуляющимъ въ окрестныхъ горахъ.

Въ рощахъ около мазара деревья не рубятъ и они достигли, благодаря этому, большихъ размѣровъ и ихъ много. Попадается тополь, таль, береза, боярышникъ...

Къ мазару близко конные не подъѣзжаютъ; приближаются къ нему только пѣшіе, которые за одну версту до мазара слѣзаютъ съ лошадей. Впрочемъ, это дѣлаютъ только таранчи; киргизы обычая сего не придерживаются.

Отъ нашего селенія Кальджата мазаръ отстоитъ верстахъ въ 11—12, находясь на пограничной линіи нашей государственной межи съ Китаемъ. Изъ Кальджата можно проѣхать на мазаръ въ колесномъ экипажѣ; отъ селенія Хонохая, находящагося на китайской территоріи, мазаръ находится въ 8 верстахъ. Въ семь селеній жили и таранчи, но они ушли, послѣ сдачи Илійскаго края китайцамъ, въ наши предѣлы — въ Аксу-Чарынскую волость. Со сдачей китайцамъ Илійскаго края мѣстность эта опустѣла: окрестные жители переселились и унесли съ собою и все имущество мазара. Въ полуторныхъ верстахъ отъ Кальджата есть мазаръ какого-то святого, неизвѣстнаго калъджатцамъ; туда перевезены таранчами шейхами два огромныхъ казана съ мазара Юсупа Секаки. Въ этихъ большихъ казанахъ варилося сразу мясо отъ трехъ быковъ.

У мазара Юсупа Секаки былъ прежде вакфъ — около 800 барановъ; теперь же ихъ не существуетъ; бараны растрочены Талибъ-шейхомъ. Въ прежнія времена бывалъ здѣсь по пятницамъ назиръ и Талибъ-шейхъ рѣзалъ обыкновенно по два барана, для угощенія паломниковъ.

Существовалъ прежде также вакфъ изъ клевера. Клевера было десятины три. Клеверъ давали лошадямъ паломниковъ. Завѣдывалъ клевернымъ дѣломъ шейхъ Бегаветдинъ.

Въ книгѣ В. В. Бартольда «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію съ научною цѣлью 1893—1894 гг.» на страницѣ 71 читаемъ о семъ мазарѣ слѣдующее¹⁾: «Гробница Маулана Секаки, автора книги «Мифтахъ»; она представляетъ высокій куполъ на берегу рѣки Теке (Текестъ?), вытекающей

1) Со словъ Мухаммеда-Хайдера, автора «Тарихи-Рашиди».

изъ (горы) Байкулъ. Кромѣ зданія купола тамъ нѣтъ другихъ развалинъ; или здѣсь былъ городъ, исчезнувшій безслѣдно, или послѣ того, какъ Джагатай убилъ шейха, надъ его головой возвели эту постройку».

Дѣло въ томъ, что на Текесѣ не существуетъ никакихъ преданій о мѣстѣ погребенія Юсупа Секаки. Приурочиваютъ его къ Кальджату, отъ котораго или отъ могилы Секаки р. Текесъ отстоитъ въ двухъ дняхъ пути. Горы Байгулъ мы также не нашли; на всѣ распросы мѣстные жители отвѣтили невѣдѣніемъ. Есть рѣка Баянколь у выселка Охотничьяго или Нарынкола¹⁾.

Н. Пантусовъ.

Армянскія слова въ грузинскихъ Дѣяніяхъ Пилата.

Апокрифистическій интересъ представляетъ чтеніе въ великую пятницу *Память о страстяхъ и смерти нашего Спасителя Иисуса Христа*, сочиненіе еврея Ананіи, имѣющееся въ рукописи, приблизительно XIII-го вѣка, Церковнаго музея грузинскаго экзархата въ Тифлисъ, № 70²⁾. *Дѣянія Пилата* съ весьма архаичнымъ языкомъ и арменизмами открыты и списаны И. А. Джаваховымъ по лучшей рукописи на Синаѣ (см. *Предварительный отчетъ о работахъ на Синаѣ и въ Иерусалимѣ*, стр. 20), и по существу этого памятника древне-грузинской письменности я не буду, конечно, касаться. Но недавно въ Москвѣ, какъ мнѣ передавали, А. С. Хахановъ познакомилъ членовъ Археологическаго общества съ тѣми же *Дѣяніями Пилата* по какой-то грузинской рукописи, причемъ докладчикъ поторопился высказать мнѣніе, что памятникъ переведенъ съ греческаго.

1) [Абу-Якъубъ Юсуфъ ибнъ Абу-Бекръ Секкаки родился въ 555, умеръ въ 626 г. х.; см. о немъ мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», ч. I, стр. 130 (текстъ Джемала Карши); *السيرة* Хондемира, тегер. изд. III, 28; C. Brockelmann, *Geschichte der arabischen Litteratur*, I, 294—296. Статья Н. Н. Пантусова интересна въ бытовомъ отношеніи, но подлинность гробницы Секкаки остается сомнительной; изъ словъ самого автора (стр. 621) видно, что гробница приурочена къ этому святому не народнымъ преданіемъ, а мнѣніемъ современнаго книжника, которому имя Юсуфа Секкаки было извѣстно только изъ книгъ, вѣроятно, изъ Тарихи-Рашиди. В. Б.].

2) лл. 304 b² — 313 b²: საქთხუი ენისათჳს და სეუდლისა მასკანეუელი მაცხოვრისა სუენისა იესუ ქრისტესი. თქუილი ანანია ენაველისა (sic). *Нач.*: დასეთუ ვცან უფლის იესუ ქრისტესი წინათავს საღმრთოთა და საწმუნებოთა გულისმოდგენად ეპისკოპედ და დეკსქერენ. მასკანეუელი. და იგი თქვენს ჭეშთათა ღმრთისათჳს ჰონიერლისა (sic) ჰილიტესსე მსვეულისა ბოძელი იგი აღწერა სიყოფიშის წინათა ენაველითა. სოლო მე ეარადმოქსქერე წინათა ბეძელითა ჰცნობელიად უოველითაჲს ანა და კათავა, სიუქს და დედესი. ეპსლიდელი. იუდა. ლი...

2926
83
Апр

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

И

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ

СЕМИРЪЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

НА 1900 ГОДЪ.

изданіе Семирѣченскаго Областнаго Статистическаго
Комитета

1900.

Типографія Семирѣченск. Обл. Правленія.
ГОР. ВЪРХНІЙ.

Н. ПАНТУСОВЪ.

Тамгалы-тасъ

(урочище Капчагай¹⁾ Копальскаго уѣзда, Балгалинской волости).

24 сентября 1897 года я выѣхалъ изъ города Вѣрнаго, въ сопутствіи переводчика губернскаго секретаря Г. Л. Асанова, въ выселокъ Илійскій Вѣрненскаго уѣзда, отстоящій въ 71 верстѣ отъ областного города Вѣрнаго, по почтовому тракту, а оттуда 25 сентября на урочище Капчагай Копальскаго уѣзда, по правому берегу рѣки Или. Ночевать расположились мы съ 25 на 26 сентября въ аулѣ бѣя Аскарбека Байсарыева, отстоящемъ отъ урочища Капчагай верстахъ въ семи, такъ какъ на берегу озера не было еще киргизовъ въ это время и они приходятъ къ берегу рѣки на зимовки по выпаденіи перваго снѣга; берега рѣки Или въ это время пустыни. Приѣхали мы въ аулъ Аскарбека въ двухъ тарантасахъ. 26 сентября мы выѣхали изъ аула на урочище Капчагай, верхомъ.

Тамгалы-тасъ лежитъ внизъ по теченію рѣки Или отъ выселка Илійскаго на сѣверо-западъ, верстахъ въ 25 отъ послѣдняго на правой сторонѣ рѣки.

Отъ выселка Илійскаго до урочища Капчагай или Тамгалы-тасъ²⁾ дорога, послѣ переправы черезъ рѣку Или по

¹⁾ Словомъ **Капчагай** вообще называются скалистые, отвѣсные берега рѣки. Подобное урочище **Капчагай** есть и на лѣвомъ берегу рѣки Или, въ сосѣдствѣ съ урочищемъ Карой.

²⁾ Хранитель зоологическаго музея Петербургскаго университета А. М. Николѣвскій, ѣздившій въ 1884 г. внизъ отъ выселка Илійскаго до озера Балхаша на лодкѣ, пишетъ, что «верстахъ въ 30 отъ выселка Илійскаго на прибрежной отвѣсной скалѣ начерчено огромное изображеніе челоуѣка, видимо китайской работы». (Записки Запад.-Сибир. Отд. Император. Русск. Географ. Общ., кн. VII вып. 1, стран. 53).

Г. В. Фишеръ въ статьѣ «Озеро Балхашъ и теченіе р. Или отъ выселка Илійскаго до ея устья» (книж. VI Запис. Запад.-Сибир. Отдѣл. Географ. Общ. за 1884 г.) пишетъ, что «7 августа судно «Св. Николай» подошло къ камню Тагиль-Галы-Ташъ, на которомъ высѣчено изображеніе идола и надпись. Въ этотъ день судно шло частью бичевою и сдѣлало около 5 верстъ. Камень Ташъ-Галы-Ташъ отстоитъ отъ урочища Чильгоранъ примѣрно въ 160 верстахъ» (стр. 20).

Ясно, что названіе камня испорчено при печатаніи и должно быть «Тамгалы-тасъ».

мосту, идетъ на сѣверо-западъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки, по правому ея берегу внизъ; въ общемъ отстоитъ она отъ берега версты на три. Отъ моста дорога сначала версты полторы идетъ холмистыми песками, а потомъ по ровному и твердому грунту, постепенно приближаясь къ берегу рѣки. Впередѣ все время виднѣется хребетъ Малай-сары, а сбоку и назадъ рисуется въ голубоватой дымкѣ Заилійскій Ала-тау. Пройдя такимъ путемъ верстъ восемнадцать, дорога круто поворачиваетъ къ рѣкѣ и извиристо спускается по склону въ глубокую долину на протяженіи двухъ верстъ къ броду Тамгалы-тасть, отъ котораго по долинѣ рѣки и доходитъ до урочища Тамгалы-тасть¹⁾.

На всемъ этомъ пространствѣ съ главной колесной дороги находятся свертки влѣво отъ нея—это дороги, по которымъ ѣздить на рыбалку къ рѣкѣ Илійскіе казаки.

Въ верхнемъ теченіи своемъ отъ выселка Илійскаго до рѣчки Карабулака, на протяженіи до 45 верстъ, рѣка Или имѣетъ высокіе и каменистые берега, а въ среднемъ и нижнемъ теченіи до озера Балхаша—низкіе, илистые, поросшіе камышами и рѣдкими таловыми кустами.

Грунтъ здѣсь твердый и каменистый; мѣстность представляетъ нагорную степную возвышенность, съ выдающимися кое-гдѣ невысокими и отлогими вершинами или холмами.

Возвышенность эта, понижаясь постепенно къ рѣкѣ, оканчивается крутыми каменистыми утесами, которые, достигая иногда высоты 25 саженъ, тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣки болѣе чѣмъ на 20 верстъ, образуя такимъ образомъ видъ ущелья, по которому несется полоса лѣтомъ мутной сѣровой воды.

Утесы эти состоятъ отчасти изъ гранита, отчасти изъ краснаго плитняка и порфировъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

¹⁾ На всѣхъ картахъ здѣсь показывается бродъ Учъ-араль, о которомъ мѣстные киргизы рассказываютъ, что въ этомъ мѣстѣ въ прежнее время былъ построенъ чрезъ рѣку мостъ, остатки отъ котораго на камняхъ можно видѣть и въ настоящее время; дѣйствительно, въ одномъ мѣстѣ стоитъ въ рѣкѣ камень. Постройка моста приписывается, по обыкновенію, калмыкамъ. Нужно замѣтить, что постройка моста здѣсь, хотя бы въ самомъ грубомъ видѣ, вполне возможна: бродъ образовался изъ гряды камней, пересѣкающихъ рѣку, по которымъ опытные люди благополучно переправляются на другой берегъ такой многоводной и широкой рѣки, какъ Или.

они близко придвинуты къ рѣкѣ съ обѣихъ ея сторонъ и торчатъ отвѣсно. Почва на всемъ протяженіи отъ поселка Илійскаго до рѣки Карабулака твердая, песчано-глинистая, мѣстами усѣянная мелкою дресвой и поросшая разными густыми травами, которыми скотъ питается весной, осенью и зимою. Въ особенности много растетъ здѣсь травы ибелекъ, которую лошади весьма любятъ.

Кромѣ ибелека (*Ceratocarpus* Sp.) растетъ здѣсь во множествѣ — чытырь, джусанъ (*Artemisia* — полынь), изекъ (тоже), терскенъ, акъ-мамукъ, чиралджинъ, карабаракъ (*Holostachys* Sp.), сарагачъ, тобулгу (таволга), иргай, кылча (кузьмичева трава), акъ-текенъ, кусканъ-басъ и чингиль (*Halimodendron argenteum*). Весной вся мѣстность эта покрыта черепахами.

Мѣста эти изобилуютъ всякою дичью и сюда приѣзжаютъ охотники и изъ Вѣрнаго. Изъ съѣдобнаго звѣря много здѣсь фазановъ, зайцевъ, кабановъ, гусей, дрофъ.

Все это пространство на 15 и болѣе верстъ отъ рѣки непригодно совсѣмъ для земледѣлія и не можетъ быть орошено, ибо вся прилегающая степь безводна.

Спустившись въ указанномъ выше мѣстѣ внизъ къ берегу рѣки Или, мы увидѣли отвѣсныя скалы, у подножія которыхъ валялись во множествѣ отдѣлившіеся отъ нихъ разной величины камни; на нѣкоторыхъ-то изъ нихъ и находятся изображенія, послужившія цѣлью нашей поѣздки сюда.

Надписи и изображенія бурхановъ расположены на камняхъ, обрушившихся давно съ высокаго скалистаго берега. Отъ разрушенія берега образовалась на неширокой ровной долинѣ рѣки громада громадныхъ камней, отстоящихъ отъ воды въ 4—10 саженьяхъ.

Окрестныя скалы и эти камни состоятъ изъ порфировъ и красныхъ песчаниковъ. Нагромождены камни громадной кучей и ходить по ней весьма неудобно; нѣкоторыя мѣста даже не доступны для посѣтителя. Лицевая сторона этихъ камней съ изображеніями и надписями расположена на югъ и юго-западъ, по направленію къ рѣкѣ и проходящей вдоль по берегу ея тропинкѣ.

Всѣхъ камней съ болѣе или менѣе сохранившимися

знаками (тамга) нами найдено восемнадцать. На самомъ большомъ изъ этихъ камней высѣчены три изображенія бурхановъ и съ правой стороны внизу (если смотрѣть на бурхановъ) сдѣланы надписи (№ 1 нашихъ снимковъ).

Ниже этого бурхана влѣво № 2 и затѣмъ далѣе правѣ № 3 есть еще два отдѣльныхъ камня съ одноличными изображеніями бурхановъ. Надъ головой лѣваго бурхана изображено семь змѣй.

Изображенія этихъ бурхановъ довольно вывѣтрились и вышли бы не совсѣмъ отчетливо на фотографическихъ снимкахъ, но при фотографированіи нѣкоторые были обсыпаны мукой, дабы штрихи вышли яснѣе.

Всего, такимъ образомъ, изображеній бурхановъ найдено здѣсь пять: три на одномъ камнѣ и два на другихъ двухъ камняхъ; изъ послѣднихъ двухъ одинъ (лежащій лѣвѣе большаго бурхана) не имѣетъ надписей. На камнѣ этомъ сидитъ человѣкъ.

Кромѣ камней съ изображеніями бурхановъ, есть еще на семи отдѣльныхъ камняхъ крупныя и мелкія калмыцкія и тибетскія надписи, которыя также сняты мною фотографически и при семъ прилагаются.

Высота главнаго камня съ тремя бурханами $7\frac{3}{4}$ аршина, ширина его по діагонали отъ головы лѣваго бурхана до низу письменъ — $4\frac{1}{2}$ сажени.

Надпись съ монгольскими письменами (№ 4) выбита на камнѣ, который высотой 4 аршина 4 вершка, а шириною 1 сажень 13 вершковъ.

Расположеніе главнѣйшихъ камней съ бурханами и надписями прекрасно видно на фотографическомъ снимкѣ, представляющемъ общій видъ сей мѣстности. Надъ бурханами помѣщены люди для того, чтобы замѣтнѣе было ихъ мѣстонахожденіе. По фотографическому снимку можно судить о планѣ расположенія памятниковъ, разстояніи между ними и приблизительныхъ размѣрахъ общей площади, занимаемой ими.

Окрестные жители — киргизы, кочующіе въ этой мѣстности, говорятъ только, что они изъ разсказовъ своихъ предковъ знаютъ, что начерченные изображенія и надписи на камняхъ, были сдѣланы калмыками, еще до прихода на эти мѣста киргизовъ.

Кочующіе здѣсь киргизы прибыли сюда лѣтъ двадцать тому назадъ съ рр. Каратала и Коксу; раньше ихъ жили здѣсь *дулаты*, которые ушли въ Вѣрненскій уѣздъ.

О Тамгалы-тасѣ киргизы эти имѣютъ весьма недостаточныя свѣдѣнія.

Мѣстность *Тамгалы-тасъ* получила свое названіе уже отъ киргизовъ. *Тамгалы-тасъ* на Тюркскомъ языкѣ значитъ «камень со знаками».

Памятникамъ этимъ, повидимому, не грозитъ опасности быть попорченными отъ размыванія водою, обваловъ, культуры окрестной мѣстности, какихъ либо искусственныхъ сооружений и тому подобныхъ причинъ; единственный врагъ ихъ можетъ быть *время*; отъ времени, отъ разныхъ атмосферическихъ причинъ грозитъ вывѣтриваніе и разрушеніе этихъ камней, что наблюдается и теперь.

Благодаря этому обстоятельству съ нѣкоторыхъ камней не удалось получить фотографическихъ снимковъ.

Н. Пантусовъ.

Гор. Вѣрный, ноябрь 1897 г.

Объясненія надписей и изображеній Тамгалы-Таса.

Рисунокъ № 1-й представляетъ «Общій видъ камней Тамгалы-тасъ» и назначенъ, вѣроятно, для того, чтобы показать всю громаду этой скалы. Надписи и изображенія на немъ едва замѣтны и отыскивать ихъ здѣсь весьма не легко; поэтому изслѣдователи прекрасно поступили, давъ, и даже въ двухъ экземплярахъ

Рисунокъ № 2-й «Общаго вида камней Тамгалы-тасъ», гдѣ скала снята въ нѣсколько меньшемъ объемѣ, захвативъ исключительно самый районъ надписей. Предупредительность изслѣдователей выразилась здѣсь въ томъ, что они, очевидно съ умысломъ, разставили членовъ своей экспедиціи у каждаго отдѣла надписей и изображеній и это даетъ возможность удобнѣе отыскать, гдѣ именно располагаются на скалѣ самыя надписи и изображенія. Слѣдую за ними по порядку.

Выше всѣхъ другихъ рисунковъ расположены, кажется, изображенія трехъ буддійскихъ божествъ съ начертанными подъ ними надписями на тибетскомъ языкѣ. Фотографіи этой тріады находятся въ альбомѣ въ трехъ различныхъ снимкахъ. Первый изъ нихъ (№ 3-й а),—(въ двухъ экземплярахъ)—представляетъ самыя крупныя фигуры буддъ; второй (№ 3-й б)—нѣсколько меньшія; третій (№ 3-й в)—самый мелкій, но въ то же время и самый отчетливый. Что до объясненія этихъ изображеній, то срединное изъ нихъ представляетъ собою

Бурхана, именуемаго у монголовъ и чжунгаровъ «Дурбэнъ моторту Арія-бало» т. е. «четверорукій Арія-бало», котораго тибетцы зовутъ «Тугс-рчже-чен-бо», или еще болѣе обыкновенно Чжан-рай-сикъ. Настоящее изображение даетъ мнѣ случай отмѣтить несправедливое замѣчаніе *Pandera*, будто бы «*Aryapâla wird immer stehend mit acht Armen abgebildet*» (*Das Pantheon* s. 70). Изображеній Арія-бало вообще очень много: бывають въ стоящей позѣ, но еще болѣе въ сидящихъ положеніяхъ. Наиболѣе обыкновенная форма Чжан-рай-сикъ-а-это представляемая настоящимъ рисункомъ, въ которомъ онъ изображается въ видѣ индійскаго царевича, съ 13-ю украшениями въ костюмѣ. Лицо у него всегда бѣлаго цвѣта. Онъ сидитъ въ «алмазной» позѣ, съ переднею парю рукъ, сложенныхъ какъ бы для молитвы, изъ числа же двухъ заднихъ рукъ въ правой—онъ держитъ хрустальныя четки, а въ лѣвой—цвѣтокъ лотуса съ длиннымъ стеблемъ. Эти формы изображенія Арія-бало принадлежатъ позднѣйшему тантрическому періоду. Современные ламаиты смотрять на Арія-бало какъ на эманацию будды Амитабы, воплощеніемъ же его въ настоящую пору почитается далай-лама. Чжан-рай-сикъ вмѣстѣ съ Маньчжуши и Очиръ-вани (Ваджра-пани) почитаются у тибетскихъ и монгольскихъ буддистовъ защитниками ламаизма и въ этомъ смыслѣ они даютъ имъ общее названіе «рин-сумъ-гом-бо», подобно тому какъ у древнихъ брахмановъ составляли три-мүтри Брами, Вишну и Шива. Замѣчательно, что символическіе предметы у Чжан-рай-сикъ-а тѣ же самыя что и у Брами: лотусъ и четки.

Подъ изображеніемъ Чжанрайсика на скалѣ видна длинная надпись:

аПагс-ба чжан-рай-сигс-ла на-мо
Ом-ма-ни-пад-мэ хунъ. Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ

Ом

|

Ом - а - хумъ.

|

хум

Въ переводѣ: «Поклоняюсь святому Чжан-рай-сик'у

Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ. Омъ ма-ни-пад-мэ-хумъ

Ом

|

Ом - а - хумъ.

|

хум.

По правую руку Чжанъ-рай-сик'а помѣщена въ гораздо-меньшемъ объемѣ фигура будды Сакъямуни, значеніе коей едва ли требуетъ какихъ либо объясненій. Подъ этой фигурой тибетская надпись сан-чжай-ша-чика-туб-ба-ла-на-мо т. е. поклоняюсь буддѣ Сакъямуни.

По лѣвую сторону отъ той же большой фигуры Чжан-рай-сик'а располагается третій рисунокъ, въ величину предшествовавшаго. Это — бурханъ Ман-ла, божество врачеванія, изображенія коего бываютъ также различны. Группу этихъ боговъ-врачей можно найти въ атласѣ *Шлягинтвейна*, только всѣ они ошибочно помѣщены у него подъ группою Майтрея (=Майдари). Настоящая, болѣе популярная форма Манлы извѣстна подъ спеціальнымъ именемъ «Бэ-ду-рья-и-од-чжи-чжал-бо, т. е. «владыка лазуриковаго цвѣта», почему на рисункахъ онъ и живописуется всегда съ синимъ лицомъ. Ман-ла сидитъ на тронѣ изъ лотуса; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ закрытую на замокъ патру, а въ опущенной книзу правой — исцѣляющій всѣ болѣзни плодъ гСэръ-мДог-А-ру-ра (Золотой миробаланъ). Подъ этой фигурой на скалѣ также высѣчена надпись: Сан-чжай-ман-чжи-хла-ла-на-мо т. е. поклоняюсь буддѣ Манла.

Второе живописное изображеніе бурхана представлено изслѣдователями въ трехъ снимкахъ, изъ коихъ первый (№ 4-й а), крайне неясный какъ изображеніе бурхана, имѣетъ, повидимому, цѣлью показать не столько самыя формы божества, сколько мѣстонахожденіе его изображе-

нія на утѣсѣ. Что касается детальныѣхъ подробностей рисунка, то онѣ выясняются во второмъ снимкѣ (№ 4-й б), имѣющемся въ двухъ экземплярахъ. Взглянувъ на этотъ снимокъ, мы видимъ, что это изображеніе такъ называемаго въ просторѣчій «Лунъ-вана» — царя драконовъ, полное имя котораго по-тибетски Чжал-ба Лу-ванъ-ги-чжал-бо. По вѣрованіямъ ламаитовъ, Лу-ванъ — геній хранитель пространствъ земли, почему изображенія его ставятся на отличныхъ мѣстахъ, а въ молебствіяхъ при освященіи подобныхъ урочищъ ламаиты обращаются къ Лу-вану о храненіи освящаемаго ими мѣста. Въ составленномъ ламою Сумади «обрядѣ постановки обо», для освященія мѣстъ, находимъ такую замѣтку о Лу-ванѣ: «Божество, именуемое могущественнымъ ханомъ драконовъ, имѣетъ синее тѣло и бѣлое лицо, надъ головою украшено семью драгоценными змѣями, держитъ руки въ положеніи «проповѣдыванія» ученія, спасающаго драконовъ и злосчастныхъ существъ и облачено въ три священные одежды. Съ правой стороны его сидятъ бодисатвы, слѣва — многочисленные арханы, а спереди сонмъ повелителей драконовъ; всѣ они предстоятъ, сложивъ ладони и преклонивъ колѣна предъ побѣдоносно прешедшимъ. Божество это за много калѣ раньше достигнувъ состоянія будды умирило злобствующихъ царей драконовъ и проповѣдало имъ священнѣйшее ученіе; въ награду за что ему и было поднесено семь драгоценныхъ змѣй въ видѣ украшенія на голову. Въ мѣстѣ, гдѣ находится этотъ будда, не можетъ быть наводненій и мученій, причиняемыхъ драконами; возстанія владыкъ мѣстности и всякія злосчастія исчезаютъ. Обитаетъ этотъ будда въ мірѣ, именуемомъ «медвяноплоднымъ».

Изображеніе третьяго бурхана представляется однимъ снимкомъ (№ 5-й а), присланнымъ въ двухъ экземплярахъ. Это — бурханъ, именуемый Митюкба, что по буквальному переводу значитъ «невозмутимый». Божество это принадлежитъ къ числу тантрическихъ буддъ и отличительный признакъ его составляетъ возстановленный на лѣвой ладони вачиръ (ваджра). Съ правой стороны рисунка начертаны по тибетски тарни Митюкба:

Намо-ра-дна-да-рь-я-я-омъ-гамъ-га-ни

гамъ-га-ни ро-за-ни ро-ни-ро-ни

дра-са-ни-дра-са-ни-бри-да-ха-на-бри-да-ха-на-са-рва-
гар-ма-ба-рам-ба-ра-ни-мам-сар-рва-са-до-нян сва-ха.

Переводить эти тарни, какъ и вообще всѣ мистическія изреченія внѣ знанія санскрита, рѣшительно невозможно; извѣстно только, что у ламаитовъ они имѣютъ значеніе заклинаній и охранительныхъ формулъ. Такова же общепутребительная у ламаитовъ шестисложная формула «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ». На разсматриваемомъ камнѣ и снимкѣ съ онаго она изображена четыре раза, а именно, на самомъ верху праваго угла камня тибетскими буквами и, нѣсколь-ко ниже помянутыхъ тарни бурхана Митюкба, — трижды калмыцкими буквами, въ однообразной формѣ. Кромѣ се-го здѣсь же видна попытка начертать эту формулу въ томъ же видѣ и въ четвертый разъ, но памятникомъ этой по-пытки осталось только четыре, да и то не полныхъ буквы.

Таже формула «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ» и совершенно въ томъ же видѣ начертана тибетскими буквами еще

1) на камнѣ, представленномъ въ двухъ различныхъ снимкахъ: № 6-й а — помельче и № 6-й б — покрупнѣе. Ка-кой-то русскій подставилъ здѣсь нѣсколько ниже тибет-ской надписи дату своего посѣщенія Тамгалы-таса — 1887;

2) на камнѣ и снимкѣ № 7-й, представленномъ въ двухъ экземплярахъ. Сверху въ горизонтальной и нѣсколько наклоненной вправо строкѣ тибетскими буквами, а нѣ-сколько ниже въ прямой горизонтальной строкѣ — калмыц-кими буквами. Тотъ же камень, только въ уменьшенномъ видѣ, несомнѣнно снятъ и на фотографіи № 7 б; въ этомъ убѣждаетъ насъ какъ положеніе буквъ, такъ и располо-женіе ихъ на камнѣ;

3) на камнѣ и снимкѣ № 8-й, представленномъ также въ двухъ экземплярахъ, формула «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ» была начертана два раза калмыцкимъ алфавитомъ и обѣ эти надписи не сохранились полностью: отъ верхней осталось четыре слога, а отъ нижней только три;

4) на камнѣ и снимкѣ № 9-й (опять въ двухъ экзе-мплярахъ) таже формула является начертанною тибетскими буквами, причемъ послѣднія двѣ буквы также еле за-мѣтны;

5) на камнѣ и снимкѣ № 10-й (въ одномъ экзеmplя-рѣ) формула «мани» снова начертана два раза калмыцкими

буквами; причемъ верхняя надпись сохранилась больше, — въ ней утратился лишь одинъ слогъ, въ нижней же надписи имѣются только первые четыре слога;

6) на камнѣ и снимкѣ № 11-й (въ одномъ экземплярь) представлена полная формула «мани», начертанная въ горизонтальной строкѣ тибетскими буквами. Надпись эта, повидимому, вообще была исполнена очень плохо.

Наконецъ 7) на камнѣ и снимкѣ № 12-й (опять въ одномъ экземплярь) формула «мани» начертывается тибетскими буквами въ вертикальной строкѣ и притомъ изображена сокращенно, тремя слогами «Ом-а-хумъ», т. е. въ томъ видѣ, какъ произносится она при благословеніяхъ.

Помимо отмѣченной шестисложной формулы Авалокитешвары и на ряду съ нею начертываются еще и тарни другихъ буддъ и бодисатвъ. Такъ, на камнѣ и снимкѣ № 13-й (въ одномъ экземплярь), подъ формулою «мани», является еще трехсложная формула «омъ-ба-гэ», представляющая собою тарни бодисатвы Маньчжушри.

Въ болѣе полномъ видѣ таже тарни Маньчжушри представлена еще въ двухъ снимкахъ № 14-й а (въ одномъ экземплярь), съ болѣе мелкимъ рисункомъ и № 14 б (въ двухъ экземплярахъ), въ нѣсколько крупнѣйшемъ размѣрѣ. Разсматривая снимокъ этого камня, мы видимъ на самомъ верху его помянутую тарни Маньчжушри въ формѣ Ом-ба-ги-шо-ри-мум. Ниже ея начертана еще новая формула, въ которой шестисложное «мани» соединено съ послѣднимъ слогомъ тарни Маньчжушри, такъ что вся эта формула имѣетъ видъ: Ом-ма-ни-над-мэ-хум-хри. Подъ нею шестисложное мани изображено калмыцкими буквами; а нѣсколько ниже и правѣе еще новыя тарни Маньчжушри: Ом-ма-ри-зэ-мам-со-ха.

На камнѣ и снимкѣ № 15-й (въ двухъ экземплярахъ) встрѣчается еще новая тарни Маньчжушри Ом-ра-ба-за-на-ди.

Камень и снимокъ № 16-й (въ двухъ экземплярахъ), судя по надписи, представляетъ обращеніе къ буддѣ Сакьямуни. Это явствуется прежде всего изъ начертанной въ

первыхъ двухъ строкахъ формулы: Ом-му-ни-муни-ма-хаму-ни, составляющей тарни Сакъямуни Подъ нею изображено восклицаніе: «Ла-ма-чэнь», съ которымъ также обращаются къ буддѣ, особливо въ покаянныхъ молитвахъ. Оно обозначаетъ въ переводѣ: (Ты-самъ) вѣдай, Лама!

Послѣдній камень и снимокъ № 17-й (въ двухъ экземплярахъ) представляется исписаннымъ больше всѣхъ другихъ; къ сожалѣнію, онъ больше другихъ и пострадалъ, а потому и чтеніе его почти невозможно. Изображенныя на немъ десять строкъ калмыцкаго письма содержатъ въ себѣ, несомнѣнно, молитвенный текстъ, обращенный, повидимому, ко всѣмъ тѣмъ буддамъ и бодисатвамъ, изображенія которыхъ мы видѣли на отдѣльныхъ камняхъ утеса; но такое предположеніе вытекаетъ у меня лишь изъ нѣсколькихъ словъ, свободно поддающихся чтенію, связать же эти слова въ стройную фразу рѣшительно нельзя.

Вотъ что читается на отдѣльныхъ строкахъ этой надписи: 1) Ом-сости! эрк'ту 2) дэду оточи кигэть акшоб йн 3) эркэту йэкэ нигулэсукчи 4) эсэ зюдыйн аюл 5) тул гу бо г 6) чо йн 7) олху болтугай 8) чу хуй 9) э и 10) о

Это значить: 1) Ом-сости! могущественный 2) высочайшій врачъ¹⁾ и Акшоб²⁾ (частица род. пад.) 3) могущественный великомилосердый³⁾ 4) не ужасъ голода 5) 6) част. род. пад.) 7) да приобрѣтутъ 8) 9) 10)

Подъ этою калмыцкою надписью находится одна горизонтальная строка, какъ мнѣ кажется, смѣшаннаго санскритскаго и тибетскаго текста. Къ первому—санскритскому,

1) «высочайшій врачъ», калм. «дэду оточи»=тиб. ман-ла.

2) «Акшоб», очевидно,—«Акшоби» тоже что тиб. Митюкба.

3) «великомилосердый» калм. «йэкэ нигулэсукчи»=тиб. Чжан-рай-сэкъ.

по моему, относятся начальныя четыре буквы; послѣднюю, т. е. четвертую изъ нихъ, можно было бы, пожалуй, признать за тибетское (д), но предъ словомъ (чой) она не можетъ имѣть своего мѣста. Собственно тибетская надпись этой строки воспроизводится и читается такъ: (чой-чки-чал-пан-ла-на-мо) т. е. «поклоняюсь Чойчки-чалпану». — Личность этого Чойчки-чалпана хорошо извѣстна въ исторіи. Онъ жилъ въ 1569 – 1662 гг. и былъ первымъ ламою, носившимъ титулъ Баньчэнь-римбочэ; устроилъ Чжаши-хлумбо; создалъ далай-ламу, въ лицѣ почитающагося 5-ымъ хубилганомъ Навана и былъ главнымъ виновникомъ подданства Тибета маньчжурамъ.

А. Позднѣвъ.